

Холли очнулась в тесной, полумрачной камерке. Пробуждение это назвать было сложно. Скорее, её держали в небытии, в пустоте, где не было ни чувств, ни ощущений, пока не проходило какое-то неопределенное, неуловимое время. И вот, словно выключатель щелкнул, она снова оказалась "включенной". Похититель был виден лишь в узкой полоске света, пробивавшейся из щели, сквозь которую он наблюдал за коридором. Холли лежала на холодном полу, связаная по рукам за спиной. Оценив ситуацию, она принялась незаметно её исправлять. Сначала она вытянула руки до размеров гориллы, чтобы сковывающие её кандалы можно было переместить на бёдра и лодыжки. Затем она усилила зрение, чтобы видеть в полумраке, не говоря уже о временной коррекции близорукости. "Головную боль я переживу потом, - подумала Холли, - главное, сбежать сейчас". Она поднялась с пола и подошла к Макнейру, прикидывая наилучший способ нападения. В тот момент, когда она заметила, что он держит палку наготове, Макнейр отвернулся от двери, и его взгляд упал на Холли, которая уже не была ошеломлена. Он замахнулся на неё тяжелой рукой, но Холли увернулась от удара, а затем, молниеносно поднявшись, поймала его руку с палкой в петлю своих манакул. Она попыталась потянуть его руку вниз, к своему колену, чтобы обезоружить его встречным ударом вверх, но мужчина схватил её за волосы другой рукой и вырвал из равновесия. Схватив его за запястье, она повалила его на пол, но его вес оказался гораздо более внушительным, чем если бы она оставила его стоять. Он нанёс несколько ударов по её лицу, но на четвёртый раз попал точно в цель. Холли почувствовала боль в зубах и вкус крови, но вскоре отвлеклась: мужчина перевернул её лицом вниз и прижал грудью к полу, прижав коленом к спине. Он выкрикнул несколько ругательств, но Холли было всё равно, что он о ней думает. Она просто не хотела больше там находиться. И она не хотела. Подтянувшись, Холли села на тёмный каменный пол в хорошо освещённом и совершенно другом коридоре и вдохнула полной грудью. Рядом задыхался мистер Уизли: "Холли, где ты была и откуда взялась? И... где твоя одежда?" Посмотрев вниз, Холли выругалась под нос и повернулась к добродушному мужчине, который уже снимал с себя шерстяную мантию, чтобы надеть её. Гарри с облегчением увидел Холли, когда она вошла, но заметил, что она была довольно растрепана и куталась в то, что выглядело как твидовая мантия мистера Уизли, тщетно пытаясь завязать её достаточно туго, чтобы не казалось, что она ей велика на четыре размера, несмотря на то, что подол волочился по полу. "Извините за задержку, - сказала она с нервным воем, - я здесь". "Кто вы?" - потребовал министр Фадж. Холли на мгновение перевела дыхание. "... и что вас задержало? Где авроры, которых мы послали на ваши поиски?" "Понятия не имею. Я догнал мистера Уизли на улице, и он сказал, что вы спрашивали обо мне. Что касается того, кто я, то меня зовут Холли Джейд Эванс, ранее я работала в других местах, например, в графстве Корк, Ирландия. Сейчас я нахожусь в Англии в качестве частного репетитора Гарри Поттера". Гарри оценил лёгкий ирландский говор, который она добавила в свой голос. "И в чем же вы его учите?" Холли поднялась чуть выше и ответила: "Частные вещи. Поэтому мы и называем это частным репетиторством". Её ответ застал министра врасплох. Он уставился на неё сверху вниз. "Вы ведьма? Сколько тебе лет?" "Ну, я, конечно, не маггл, и как бы ни был неприличен второй вопрос, я скажу, что мне двадцать девять. Такова традиция". "Для двадцати девяти вы выглядите несколько молодо..." "Спасибо, министр! Я много занимаюсь спортом, чтобы оставаться розовощекой и жизнерадостной". Мужчина хмыкнул, как может хмыкать только чиновник с круглым животом. Его помощник Перси протянул ему пергамент. Затем он сказал: "Мне сообщили, что у вас нет палочки. Где она? Она была отобрана у вас по законным причинам?" "Её украл один друг. Я пока не нашла подходящей замены, а она не хочет возвращать мои письма и тем более палочку, но это уже мои проблемы". "Где вас учили? У нас нет никаких записей о тебе". "А зачем? Меня учили за пределами юрисдикции Министерства, в школе и подмастерьях, а моя палочка была сделана на заказ, так как я очень сложная ведьма, чтобы приспособиться". "И все же вы обучаете Гарри Поттера?" "Есть много тем, которые не требуют от меня работы с заклинаниями". "Очень хорошо", - вздохнул мужчина. "Пожалуйста, опишите ваше участие в инциденте 3 августа". "В тот вечер мы с мистером Поттером

прогуливались на свежем воздухе, когда наткнулись на его толстого кузена Дадли Дурслей, который завязал с нами разговор. Вскоре воздух стал холодным, и я почувствовал подкрадывающийся страх, предвещающий приближение дементоров. Я предупредил ребят, что нам нужно бежать, что мы и сделали. День выдался нежарким из-за внезапного падения ртути, и мы бежали по нему, пока не нашли убежище под каменным мостом". "Почему вы там остановились?" "Мы ждали, пока его кузен догонит нас - я уже говорил, что он немного полноват? Кроме того, мост был отличным укрытием - он заставлял дементоров приближаться только с двух сторон. Дадли догнал нас, и тут на нас набросились два дементора. Первый бросился на меня, а второй, как я полагаю, схватил Гарри за горло". "Вы полагаете?" "Дементоры окутали нас тьмой, как они обычно делают, поэтому я ничего не видел, но слышал, как он задыхался, а Дадли выл, как прорезавшийся ребенок". "И вы не смогли вызвать Патронуса, потому что у вас не было палочки?" "Верно; я сказал Гарри сделать это. А потом... Я исчезла в панике. Не лучший мой час". Она выразила на лице Гарри искреннее раскаяние. Он изо всех сил старался не аплодировать её выступлению. Двери в зал суда снова распахнулись, и в зал ворвался крупный лысый мужчина с кустистыми усами и плохо сидящей чёрной повязкой на глазах. Он остановился, увидев собравшихся, затем обвиняюще поднял руку на Холли и прорычал: "Авроры, арестуйте эту ведьму и посадите её в кандалы. Это она вырвала мне глаз!" Холли обернулась как раз в тот момент, когда четверо авроров образовали вокруг неё круг с вытянутыми палочками. Двое из них схватили её за руки и наложили на неё связывающие заклинания. Она посмотрела в глаза Гарри, сказала: "Простите, но я не могу..." -- и тут же исчезла. Все задохнулись. Задохнулся и профессор Дамблдор. Очевидно, Холли совершила нечто Невозможное. Или, возможно, они забеспокоились, потому что она оставила мантию. Макнейр зарычал от досады и сказал: "Она снова это сделала!". В этот момент в него сзади ударило красное заклинание мистера Уизли, сбившее его на землю. Авроры, лица которых все еще не утратили следы недавнего испуга от исчезновения Холли, резко повернулись к мистеру Уизли, словно хищные птицы, готовые к атаке. Тот, предусмотрительно опустив палочку и подняв руки в жесте капитуляции, проговорил: — Мисс Эванс упомянула, что едва избежала приставаний этого человека, — сказал он, кивнув в сторону лежащего без движения Макнейра, — поэтому я одолжил ей свою мантию. Надеюсь, я не нарушил никаких правил? Профессор Дамблдор, с невозмутимым спокойствием и мудростью, предложил: — Прежде чем мы продолжим эту нескончаемую перепалку, позвольте задать вопрос: имеет ли смысл дальнейшее обсуждение невинности мистера Поттера? Ведь никто не сомневается, что заклинание Гарри было применено исключительно для защиты от дементоров, как подтвердил его наставник. Амелия Боунс, с официальным и неизменным серьезным выражением лица, призвала к голосованию. Министр, видимо, не мог уклониться от ответственности, и, показывая необычную для себя нерешительность, сначала предложил проголосовать за прекращение дебатов, затем за возможный перенос рассмотрения дела, и только потом призвал к голосованию по поводу действий Гарри. Не без труда, но в итоге с Гарри были сняты все обвинения. Холли, в свою очередь, получила повестку в суд в отношении Макнейра, но чиновники, видимо, затруднялись определить ее местонахождение и вручили копию Гарри с просьбой "передать". Вскоре зал суда опустел, оставив одного мистера Уизли, отвечающего на вопросы авроров, в то время как бессознательное тело Макнейра левилировали двое других магов. Гарри, сошедший со стула обвиняемого, остался стоять в стороне, ожидая, не придется ли ему самому добираться до дома Сириуса. Несколько членов собрания подошли к нему, пожали руку или выразили одобрение его манерам и поведению во время слушания. Он старался запомнить каждого из них, чтобы поблагодарить позже, но казалось, что никто из них не задержится надолго, чтобы назвать свое имя. Как будто такие важные люди, как они, должны быть известны только по своей репутации.